

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАФИКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ И РУССКИХ СЛОВ

В. Э. Будейко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Тема статьи связана с актуальностью культурологического вопроса об исследовании церковнославянской и русской графики в древних и новых текстах. При исторической близости этих языков и их контекстов отмечены различия в церковнославянской и русской языковых культурах, связанные с некоторыми феноменами графики. В статью включено новое толкование термина фр. *l'arbitraire du signe* как установление языкового предания, или формообразность установления, или формообразность предания. Также сформулировано предложение объединения традиционного аналитического языкового подхода (диалектический материализм или неопозитивизм в языкознании) с теорией системного анализа и синтеза номинализма, концептуализма и реализма.

Ключевые слова: *алфавит, графика, арбитражность знака, рукописная традиция, русский язык, формообразность предания, церковнославянский язык.*

Вводные замечания

Наше исследование предполагает методологическое допущение, а именно: продолжением церковнославянского письменного наследия является русское письмо, которое в ходе собственного, обособленного становления включало некоторые элементы церковнославянские, связанные генетически с письмом среднегреческим. При этом церковнославянский язык и его письменность продолжают своё функционирование в качестве богослужебного языка и письма Русской православной церкви.

Предлагаемая статья посвящена графической форме языкового и словесного знака, который используется в церковнославянском и русском языках. В церковнославянском письме в отличие от русского наличествует достаточно сложная и гармоничная система надстрочных знаков и смысловоразличительных буквенных и диакритических противопоставлений (*антистихов*) на основе исторической кириллицы; такая сложность вызвана желанием устранить, избежать омографию и внести в чтение ясное грамматическое и герменевтическое понимание читаемого текста [5. С. 218—219]. Однако в современном русском письме присутствует более 4000 омографов, затрудняющих понимание и истолкование текстов XIX—XXI вв., поскольку не всегда контекст может помочь пониманию напечатанного или написанного [15], что требует дополнительных письменных знаков для устранения данной проблемы.

Форма и содержание словесного знака

Общеизвестно, что у слова есть форма и содержание. Формой слова выступает в устной речи его звуковой, материально явленный аспект; та внешняя сторона, без чего слово не может быть услышано. На письме формой слова оказывается буквенная, письменно-знаковая сторона текста. Заметим, что почти все письменные формы вышеупомянутых языков (буквы, знаки препинания, логограммы, идеограммы, фразеогаммы) являются знаками с точки зрения теории языка, и семиотики в особенности.

Любая форма должна иметь несколько свойств, для того чтобы существовать в языке в качестве части, аспекта, стороны знака. Во-первых, знак должен иметь внешнюю форму или внешняя форма должна быть у знака (материальная форма, воспринимаемая органами чувств, желательна и необходимо, чтобы эта форма воспринималась почти всеми здоровыми людьми, носителями какого-либо языка). Во-вторых, у внешней формы должно быть значение, то есть отношение формы знака к содержанию понятия, или та семантическая среда, становящаяся источником выявления понятийного значения, на которое указывает явно или мысленно человек, представляющий эту форму в каком-либо явном виде. В-третьих, между формой и значением должна быть установлена постоянная, воспроизводимая участниками общения связь, которая есть часть мыслительной языковой и речевой деятельности. В-четвёртых, необходимо наличие не менее двух знаков для этого семиотического феномена, который стали называть не так давно языковой

системой, и т. п. Но и этого недостаточно для того, чтобы эта система существовала долго и плодотворно, то есть развивалась бы в сложное коммуникативное образование. Однако мы вынуждены оставить вне нашего рассмотрения проблему развития языка как самую дискуссионную и осложнённую рядом условий и признаков ещё в XIX в. [13. С. 74—84].

Это пятое свойство возможно назвать арбитранностью (*фр.* l'arbitraire du signe) знака, памятуя о Ф. де Соссюре (1857—1913), который был не совсем правильно понят современниками, поскольку его российские (и ещё ранее советские) переводчики и толкователи называли это свойство «произвольностью языкового знака». Однако в записях Ф. де Соссюра не содержится прямых указаний на так называемую *произвольность знака*. Как доказала Е. П. Иванова в своём критическом исследовании, согласно французским словарям конца XIX — начала XX в. слово *arbitraire* имеет несколько значений: а) категориальный, б) d'institution, установленный, основанный, назначенный, с) навязанный, d) обязательный, то есть непреложный в отношениях, сложившихся между означаемым и означающим, установленный для всех носителей языка в данном состоянии [12]. В XX в. это слово приобрело новые значения: е) произвольный, f) самоуправный, незаконный [8]. Вероятно, в нашем примере имеют место признаки приобретённой энантиосемии во французском языке XX в.

Арбитранность как установленность, непреложность, обязательность знака тоже есть необходимое свойство, для того чтобы знак был принят индивидуально и социалью и потом использовался носителями языка, в противном случае если у знака не будет этого свойства, то знак недолго просуществует в языке, а тем более в религиозном, богослужбном языке народа, который любит своего Бога и готов исполнять Его благую волю. При этом следует напомнить и понять прежде всего, что религиозный язык требует особой взыскательности, доводящей пользователей, то есть говорящих, читающих и пишущих на этом языке, до горней мысли об идеальности, абсолютном сакральном идеале в развитии этой богослужбной языковой системы, где идея развития выражена в служении Богу, Который есть Абсолют, то есть Абсолютный Дух, Вечный (Бессмертный, Бесконечный, Безначальный), Неизменный, Беспредельный, Всеблагий (Всемиловитый), Всеведущий, Премудрый (Всеумудрый), Всемогущий (Всесильный), Вездесущий, Всеправедный (Святый,

Всесовершенный), Вседовольный, Всеблаженный. Из чего явно и осознанно или подсознательно следует тот идеальный образ языка, в котором воплощены самые лучшие проявления языкового творчества и личной гениальности каждого участника этой веры, религии, церкви. Как выразил эту глубокую идею и мысль святитель Лука Войно-Ясенецкий: «Велико и глубоко важно соотношение между духом и формой. В материальных формах ярко отражается дух, присущий материи. И больше того, дух творит формы» [7. С. 72]. Если предполагать, что под духом разумеются духовная причина или причины, порождающие языковую среду, духовное языковое творчество или соборную деятельность всеми творимую, то языковые формы являются выражением этой деятельности и творчества. Разумеется, деятельность и творчество праведных, добрых, совершенных будет являть идеальное устремление к совершенству, а грешных — разрушительное попятное.

Формообразность предания

Для тех, кому русский язык является близким и родным языком, термин «арбитранность знака/формы» мало что говорит, поскольку её внутренняя, этимологическая очевидность и видимость весьма условна и темна. Назовём это свойство установлением языкового предания, или формообразностью установления, или формообразностью предания, ибо внешняя форма очевидна и слышима и, таким образом, постоянно находится под наблюдением органов чувств, она ими воспринимается в первую очередь. Так в своём роде будучи хозяевами своего дома-сознания, мы встречаем слово или же письменный знак по его оформленности, по «своеобразной одежке», а провожается такой знак по уму (по понимаемому содержанию, значению). Но в начале непременно встречается нами внешняя форма (*ср.* эстетическая функция языка), рождая в сознании какое-либо художественное, эстетическое впечатление и образ формы.

Повторимся: знак, слово не существует без формы, слово всегда отягощено какой-либо материальной формой (звуковой, зримой или кинестетической, последняя свойственна языку слепоглухонемых). Форма также необходимо имеет какое-либо содержание (объём формы может быть исчислен, измерен информационно, дискретно в битах, байтах и т. п.), иначе слово утрачивает совокупность свойств знака (см. выше), а потому утрачивает общепринятый логический смысл и значение. Именно поэтому слово есть звук или совокупность звуков,

имеющих значение и использующихся в речи как самостоятельное целое, встроенное в языковую систему, однако устная речь материально является во время общения и лишь в пределах досягаемости здорового слуха при громкости, доступной человеческому голосу. В настоящее время устная речь может быть записана на аналоговых и цифровых носителях и неоднократно может быть воспроизведена.

Графическая форма и её содержание

Предметом нашего рассмотрения является графическая форма, графический образ слова, поскольку звуковая форма — это отдельное сложное явление, требующее самого пристального исследования и изъяснения. Отметим только, что звуковая форма слова имеет свой смысл, соотносимый с некоторым психолингвистическим набором оцениваемых сознанием характеристик, которые отражают сложное восприятие того или иного звука или сочетания звуков [10]. Иными словами, установление языкового предания действует на подсознательном уровне на использующих тот или иной звуковой язык. Особенно это можно проверить и обнаружить в поэтике, в художественном языковом творчестве, которое особенно тонко и изящно может выражать значение и смысл через звуковую форму [11].

Графическая форма письменной речи также может быть исчислена каким-либо объёмом информации. И светская поэзия, и религия используют издавна средства графики для смыслового, психологического и эстетического выражения тех или иных смыслов, а также воздействия на сознание человека (см. экспрессивная и суггестивная функции письма). Следует отметить, что традиционные культуры и религии также весьма неохотно идут на изменение графики своего письма, вероятно, в силу упоминаемого нами выше установления языкового предания, или формообразности исторического установления, или формообразности предания, поскольку материя является самым важным ручательством постоянства языка, так как языковая деятельность обеспечивается сосуществованием антиномии: движения (в силу закономерной реально аналоговой формы словесного знака) и покоя языка (в силу условно, номинально принятой дискретной формы знака).

Современная лингвистическая наука, как правило и к сожалению, ибо это вошло в обыкновение ещё сравнительно-исторического языковедения XIX — XX вв., рассматривает изменение формы как исторический процесс, своего рода эволюцион-

ный, хотя это методологически не доказано, потому что графическая форма в некоторых языках может упрощаться в угоду ленивости пользователей, даже деградировать, смешиваться с разнородными письменными системами, которые пагубно влияют на её самобытность и перспективу становления, а также на закономерное направление развития, сводя её культурный рост к гибели, упадку и переходу на иное письмо победителей, реформаторов и т. п. Не следует забывать и тот факт, что десятки современных языков умирают ежегодно, однако именно письмо с его графикой, очевидной материальной, письменной формой помогает в какой-то мере деволюционирующему языку не умереть. В последнем случае мы имеем в современной истории пред собой достаточно выразительный пример борьбы некоего культурного центра с его окраинами, когда сильный центр поглощает окраины, насильственно подавляя их самобытные проявления, как правило, связанные с выработкой собственной (национальной, диалектной, профанной) внешней и внутренней формы слова и знака. В методологии теории письма такие проявления борьбы сильного центра и слабых окраин связывают с этноцентризмом, а в истории Европы это ясно проявляется и логически связывается с европоцентризмом. Согласно современным международным юридическим документам и фактам, это явление может перерастать в этноцид, то есть в уничтожение культуры какого-либо народа [16. С. 75].

«Мимика — это зрительный язык. Но письмо также зрительный язык, как и вообще всякая система сигналов» [6. С. 21]. Этим высказыванием Ж. Вандриес не случайно ставил рядом эти две системы (мимика и письмо), поскольку они исторически связаны некоторыми логическими и психологическими отношениями. Видимая форма мимики естественным образом связана с выражением чувств, ощущений, мыслей, которые человек вольно или невольно выражает на лице и в жестах. Эта естественность, конечно, может быть сдержана или развита культурой. В истории и теории письма принято допускать, что идеографическое письмо предшествует фонетическому письму. Но в фонетическом письме есть буквы (остаточные знаки), которые в некотором смысле выражают мимику говорящего человека: «о» указывает на форму рта, артикуляцию при произнесении звука [о], «и/и» указывает на особенность высоко поднятого языка своей спинкой к нёбу при произнесении звука [и]. То же возможно указать относительно знаков «л/л/λ», обозначающих звук, производство кото-

рого связано с высоко поднятым и напряжённым кончиком языка, и т. п. В других письменностях также можно найти примеры следов отображения в графике мимики, артикуляции, поскольку сочетание естественного и искусственно-культурного всегда сопровождало процесс становления письменной системы и её отдельных знаковых форм. Замечательно, что в изобразительном искусстве графика своей формой выражает порой весьма глубокое содержание, и графика современной письменности не является исключением, потому что она способна выразить немало смыслов и значений своей формой. Например, начиная с подчёркиваний, линий выделения текста как знаков дейктических (указательных) и эмоциональных, заканчивая обозначением языковых категорий, а также этических и деловых установлений и правил (см., ср. разные формы и образы документов в официально-деловом функциональном стиле).

В большинстве современных европейских языков, насколько нам это известно, больше звуков, чем письменных знаков для их обозначения. И каждая языковая фонетическая страта отражает особенности исторического становления речи и её структуры. Неразумно предполагать, что и письменность того или иного языка, используемая не одно столетие, не отражает национальных особенностей графики, эстетических предпочтений и наработок, идеалов и таинственных идей, на которых могут существовать и функционировать, например, алфавит, графика и даже правописание. Современное письмо Европы есть явление в некоем отношении консервативное, охраняющее национальные и даже государственные особенности и их архетипы, если встречается неслучайное и частое использование одних и тех же знаковых форм в разных положениях в европейских письменностях: E / Э / Ш / т, V / < / > / Λ, И / N / Z. Эта очевидная и упорная повторяемость одних и тех же форм при разных поворотах, возможно, свидетельствует об охранительности форм письма, направленной на сбережение знакового единства, богатства и его исторических возможностей (ср. идея культурной национальной матрицы). В истории греческого алфавита отмечено завидное постоянство количества и формы письменных знаков на протяжении 2500 лет и по настоящее время. В истории латинского алфавита мы видим неизменность и прибавление знаков за последние две тысячи лет с 23 до 25 (включая большое число письменных знаков, осложнённых диакритикой, а также диграфов, триграфов и т. п.), хотя, например, буквы С, К, Q в фонетическом отношении пере-

дают один и тот же звук [k] в разных чередованиях и комбинациях. Некоторая творческая свобода в рождении новых графических форм для латинских букв имела место в Средние века (например, каролингский минускул IX в., беневентанское письмо XI в., готическое письмо с XII в. и т. д.).

Имея в виду общепринятые формы букв латинского и кириллического письма, в начале XX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929), сравнивая польский, русский и древнецерковнославянский языки, отмечал существенные отличия в общих тенденциях становления графики польского и русского языков. Он отмечал, что польское письмо отличается от прочих славянских письменных систем своей сложной графикой и диакритикой. И. А. Бодуэн де Куртенэ, используя своеобразную орфографию (здесь мы стараемся точно воспроизвести его орфографию) для того времени, писал: «Различіе простѣйших *писанно-зрительных элементов* и их сочетаній в русском и в польском языковом мышленіи объясняется их разным происхожденіем и исторіей. Различія между польским и русским алфавитом, как с оптической, графической стороны, так и со стороны асоціацій графем с соотвѣтствующими им фонемами, объясняются отчасти различіем времени заимствованія: дц.-го алфавита из греческаго средних вѣков: латинскаго алфавита из греческаго древних времен. К русскому произносительно-слуховому языку дц. кирилловскій алфавит был приноровлен не через изобрѣтеніе новых графем, а только путем своеобразных асоціацій с сочетаніями графем, перешедших в русскій алфавит из дц.-го. Между тѣм приноровленіе греческаго алфавита к дц.-му произн.-сл.-му языку сопровождалось изобрѣтеніем цѣлаго ряда новых графем, совершенно чуждых алфавиту греческому» [3. С. 4]. Отметим и поясним эту любопытную мысль польского лингвиста, что в древнецерковнославянское письмо были внесены дополнительные графемы, которых не было в среднегреческом письме IX—XI вв., тогда как в западноевропейское письмо не было внесено новых графем, а только — латинские знаки с присовокуплением отличительных значков, то есть диакритических значков под или над неизменяемой латинской буквой. Именно поэтому И. А. Бодуэн де Куртенэ пишет:

«Приноровленіе *латинскаго алфавита* к потребностям западноевропейских произносительно-слуховых языков основывалось на сохраненіи его графем без изобрѣтенія новых, но только со слѣдующими видоизмѣненіями:

1) с распаденіем одной латинской графемы на двѣ ($Ii | Jj$; $Uu | Vv$);

2) с удвоеніем одной и той же графемы ($aa, oo, \dots, ss, zz, \dots$), что даже могло создавать новыя цѣльныя графемы (W из VV);

3) с сочетаніем двух или даже трех различных латинских графем при своеобразной асоціаціи такого сочетанія с произн.-сл.-ыми представленіями (sz, sch, \dots);

4) с прибавленіем к недѣлимым латинским графемам отличительных, діакритических значков, в видѣ точек, чѣрточек, хвостиков и даже отдѣльных графем (в исполненіи букв), низведенных на степень простых отличительных значков ($ś \dots, ó \dots, ź \dots, ś ź \dots, ç \dots, q ę \dots, z, h \dots$)» [3. С. 4—5]. В представленном цитировании здесь мы полностью сохраняем особенности правописания источника. Как видим, по беспристрастному свидетельству польского учёного: за последние две тысячи лет никакое графическое творчество в латинской алфавитизации Европы не допускалось. Несколько иное явление по характеру заимствований мы наблюдаем в русской истории письма (с X в. до 1918 г.):

«В составѣ *русскаго алфавита* или русской азбуки имѣем:

1) Графемы, восходящія, через посредствующее историческое звено кирилловскаго алфавита, к греческим:

а) без всяких сокращеній или же прибавок: *А а, Е е, О о, И и, V v, I i; П п, Т т, К к, Д д, Г г, Ф ф, Ѳ ѳ, С с, Х х, В в, З з, Л л, Р р, М м, Н н*» [Там же. С. 5]. Это замечание не совсем точно и справедливо передаёт характер национального заимствования и перемен, поскольку некоторые элементы этих букв были радикально, то есть даже по характеру начертаний элементов и их совокупности изменены в начале XVIII в. после ряда государственных реформ Петра I, взявшего курс на сближение графики русского гражданского письма (так называемой, имперской гражданницы) с графикой западноевропейского письма, с первоначальной пореформенной близостью к старинной антикве, и с употребленіем латинских форм S и i и т. п. Далее в середине XVIII в. были изъяты из имперской гражданницы «сѣло», «ѣи», «ѣи», напоминавшие греческіе формы, а к концу XVIII в. была введена факультативно «ё» вместо диграфа іо. Тогда же появляются особые шрифты (начерки, прописи) переходного типа, весьма подобнаго европейским графическим моделям (шрифты типографій Петербургской академіи наук и Московскаго императорскаго универ-

ситета). Конец XVIII — первая половина XIX в. ознаменовались появленіем шрифтов, графики классическаго типа (особенные графемы западноевропейских шрифтов Бодони, Дидо, типографіи Селивановскаго, Ревильона). «Начиная с XIX века графика русских шрифтов изменяется параллельно с латинскими, вбирая в себя всё новое, что зарождалось в обеих письменных системах» [18. С. 37]. Новое западноевропейское не значит лучшее, однако налицо явный симбиоз двух графических направлений, когда русское письмо подстраивается под западноевропейское (консервативное по сути письмо итальянскаго, французскаго, латинскаго), сохраняя особенности передачи русских звуковых значеній.

Далее И. А. Бодуэн де Куртенэ продолжает об истории измененія русской графики:

«б) с сокращеніем: *У у* (из *ou*); *в* со сложеніем двух или, точнѣе, трех графем в одну и с пропуском при этом третьей графемы: *Ю ю* (кирилл. Ю из *юу*).

2) Графемы, восходящія к дцсл. кирилловскаму алфавиту, но в нем не заимствованныя прямо из греческаго, а только тѣм или другим способом вновь созданныя, изобрѣтенныя:

а) уже в кирилл. алфавитѣ с самаго начала простыя, не слитныя: *Б б, Ж ж, Ш ш, Ч ч, Ц ц, Ъ ъ, Я я, Ь ь, Ъ ь*; б) происшедшія путем сложенія двух графем: *Ы ы* (из *ы*), *Щ щ* (из *шт*).

3) Графема, придуманная не так давно самими русскими: *Э э*. В русском письмѣ очень мало отличительных, діакритических значков. К ним принадлежат: 1) *҃* над *И* и в *Й й*. 2) *Ъ ъ* («знак твердый»), *Ь ь* («знак мягкий») [3. С. 5—6].

Заключая своё перечисленіе метаморфоз истории русских алфавитных знаков, польскій учёный приходит к такому весьма общему выводу, отчасти не основанному на предыдущем исследованіи: «*При переходѣ дц.-их кирилловских графем в русское языковое мышленіе совершенно измѣнилась психологія алфавита, родились новыя асоціаціи писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, чуждыя древне-церковно-славянскаму языковому мышленію*» [Там же. С. 6]. Иными словами, что-то из графики всё-таки воздействует на языковое мышленіе, на психологию пользователей.

Касательно польскаго алфавита и его исторіи польскій учёный выразился так: «Всѣ графемы *польскаго алфавита*, с оптической, графическаго стороны, через посредствующее звено нѣмецкаго и чешскаго алфавита восходят к графемам алфавита латинскаго» [Там же]. Заметим, что современнй польскій алфавит содержит 32 буквы, от латинско-

го письма с XII в., а современный чешский алфавит содержит 40 букв, а первые латинские памятники чешского языка относятся к концу XIII в., вероятно, более ранними, IX—X вв., чешскими письменными памятниками были тексты, написанные глаголицей или кириллицей. Итак, добавим, что формообразность установления или формообразность предания в польском или чешском письме соблюдается на протяжении последних 700—800 лет более консервативно, нежели в истории русского письма.

Почему это произошло именно так в истории этих славянских письменностей?

Следует констатировать в связи с этим, что в латинском письме и его алфавитных дериватах отсутствует творчество новых графем, но прибавляются к неизменным графемам дополнительные диакритические знаки (значки). Притом что готическая тенденция сохраняется как легитимно-маргинальная, эстетически факультативная линия письменного творчества. В русском же письме присутствует творчество, создание новых графем, не похожих на греческие знаки, которые должны быть основой знакотворчества. Однако некоторое множество диакритических знаков, заимствованных из среднегреческого письма, остаётся, сохраняется только в церковнославянском письме на протяжении одиннадцати столетий (система титлований, знаки ударения, антистихи, пунктуационные знаки). Это объясняется, по всей вероятности, именно наличием определяемой нами консервативностью, то есть формообразностью предания. В латинской культурной матрице, связанной с религиозным консерватизмом, это сохраняется дольше, нежели в славянской культурной матрице. Надо полагать, что здесь заложена некая глубокая историческая причина или мотивы со своей особой историей и мифом консервативности, коренящейся в католицизме и, быть может, ещё ранее в западноримских (античных) архетипах и культурах письма.

В кириллическом алфавите за последнюю тысячу лет мы можем проследить убавление знаков с 44 (50) до 32 (букву «ё» многие пытаются вывести из употребления и по настоящее время). По существу, это есть медленный, ползущий этноцид русской (славянской) письменной культуры, процесс, использующий манипулятивные приёмы замены письменной культуры на культуру доминирующего западноевропейского центра (латинской матрицы). Примеры манипулятивных основных приёмов, используемых в теории письма, выработаны за последние 300 лет, и они очевидны: письмо — это условный код (то есть если условный

код, то код можно и поменять, этот тезис не доказан, а используется обыкновенно как метафора); дублетные буквы (если дублеты, то есть лишние буквы, — то этими дублетами можно и пренебречь, и убрать и т. п.); сочетание разных принципов орфографии как объективных узаконений (тогда как в основе орфографических принципов лежат те или иные идеи, которые рождаются в лоне той или иной философии, методологии или идеологии; вспомним идеи Петра I и его прозападные реформы культуры). Приведённые приёмы имеют критику с разных сторон, но медленно или революционно реформирующие институты стараются её не замечать, а сторонников критики уничтожают или устраняют разными способами. Такая тенденция имеет объяснение в истории культуры и цивилизации Старого Света, где метафизика фонетического письма (например, латинского буквенного) по сути своей была — по таинственным, но важным причинам, непонятым с точки зрения простого исторического релятивизма, — самым первым и самым мощным этноцентризмом, который стёр и заменил большое число национальных письменностей и их форм (огамическое письмо, футарк, письмо черт и рез и т. п.) в I тыс. н. э. и который ныне навязывает себя всему миру (в виде мировой латиницы) и, таким образом, управляет в рамках единого мирового порядка [9. С. 115].

Графика письма есть немаловажная часть книжного искусства, поэтому изменения или даже реформы графики затрагивают искусство, принадлежащее всему народу, который обладает, использует, творит письменность и письмо. Эстетическая сторона письма является немаловажной частью духовной культуры, духовной жизни общества. Меняя эстетическую сторону письма, власть имущие или учёные в какой-то мере влияют и на духовную жизнь общества. Примером может служить реформа гражданского письма Петра I в начале XVIII столетия с насильственным ограничением употребления церковнославянского письма, приведшая к широчайшим изменениям в духовной жизни русского культурного общества, включая, конечно же, литературную жизнь, а потом и весьма болезненная и тоже насильственная реформа 1918 г., начатая большевиками и приведшая к ещё более глубоким переменам в духовной русской культуре (с последующим господствующим атеизмом, вульгарным мировоззрением, братоубийственной войной, репрессиями и т. д.). Конечно, реформа письма не всегда может быть главной, основной причиной перемен духовной жизни, но немаловажную

партию в этом гигантском мировом концерте она исполняет. Это объяснимо в каком-то смысле общим утверждением, что внешние явления могут быть связаны с духовным уровнем бытия, то есть метафизически, хотя это весьма трудно объясняется на рациональном уровне логики письма, поэтому в объяснении сложных причин должна быть использована и включена методология вероятностной логики, способная объяснить метафизику письма как феномен общественного сознания.

Не менее любопытным остаётся вопрос, почему происходит перемена вида, образа письма с учётом его истории и культурных перемен. Это, пожалуй, самое слабо уловимое, но важное для культуры и очевидное явление на фоне исторических перемен, на фоне упадка философии, богословия, на фоне забвения истории письма и грамматиологии остаётся для науки малоизученным феноменом.

Остановимся на графическом (писанно-зримом, рукописном) аспекте письма, выводимом из некоторых неслучайных словарных материалов.

В *др-цсл.* языке понимаемое понятие «вида, начертания, образа письма» встречается в словах: тварь, образъ, трость:

др-цсл. тварь, -и / *ср.* образъ; *рус.* форма, видъ; *чш.* tvar, podoba; *цгрч.* (др-грч.) ποιήσις, εἶδος; *лат.* ὄβρις, ορέρις, η' дѣло, произведение, сочинение, книга, искусство, трудъ, дѣйствие, образецъ: · видѣние колесное · и твари ихъ ꙗко видѣние тарсиско- *цгрч.* καὶ τὸ εἶδος τῶν τροχῶν ὡς εἶδος θαρσις / αὐτῶν [Ез. 1: 16. Pseudoemiarion Grigorovitchianum. XII—XIII вв. ССЯ 2006: 4: 434]; а потомъ не совсемъ правильно понятая идея слова рождаетъ такой неточный переводъ: · н̄ видѣнїе колѣез̄ н̄ сотворѣнїе ихъ, ꙗкѡ видѣнїе д̄арсіа, ... [Ез. 1: 16. Библия 1900: 1033], а потомъ и отходъ отъ перво-образа церковногреческаго текста: *Translatio minus apta*: (С.: Видъ колесъ и устройство ихъ — какъ видъ топаза...).

Мы видим такую прослеживаемую цепочку перевода этого понимаемого понятия из *др-цсл.* в *цсл.* и потом — в *рус.* язык: тварь — образъ — видъ — форма — сотвореніе Божіе — устройство. Творчество нового образа и вида, со-творение нового образа и вида чего-либо связано с устройением чего-либо (как идея порядка), и язык отражает взаимосвязь этих феноменов на разных стратах бытия.

ѡбразъ, -а / образъ, -а — *сущ. м. р. 1.* (*др-цсл.* образъ, -а / *ср.* подобьствїе, начрътанїе, скїма, подобїе, обличїе, *рус.* видъ, образъ; *чш.* podoba, vzhled, vzežení, zjev; *нѣм.* Gestalt; *цгрч.* (др-грч.) σχῆμα, χαρακτήρ, τύπος, μορφή, εἶδος, ὁμοίωσις;

лат. imāgo, figūra, effigies, aspectus, species: иже сын сннанїе славы и образъ тѣльствїа его · *цгрч.* χαρακτήρ [Евр. 1: 3. Apostolus Christinopolitanus. XII в. ССЯ 2006: 2: 484] · Иже сїӣ еїднїе славы н̄ ѡбразъ ѡпогнїаӣ εἶδω... [Евр. 1: 3. НЗ 2006: 298] (С.: Сей, будучи сїанїе славы и образъ впостаси Его...) · написавъ єпнстолю, нмощю образъ съ · *цгрч.* τὸν τύπον [Дѣян. 23: 25. Apostolus Christinopolitanus. XII в. ССЯ 2006: 2: 484] · Напис̄а же (н̄) поглнїе н̄мѡщеѡ ѡбразъ еїн̄: [Дѣян. 23: 25. НЗ 2006: 185], и снова неправильно понятая идея слова рождаетъ такой переводъ: *Translatio minus apta*: (С.: Написалъ и письмо слѣдующаго содержания.) · ἰδρω̄сть н̄хъ по ѡбразоу змнїноу · ἰδ̄ко ἄσπнд̄ы глау-хы затыкаѡщн̄ ѡшн̄ свои · *цгрч.* κατὰ τὴν ὁμοίωσιν [Пс. 57: 5. Psalterium Pogodinianum 279a. XII в. ССЯ 2006: 2: 485], и вновь неправильно понятая идея слова рождаетъ такой переводъ: *Translatio minus apta*: · ἰ̄ρω̄сть н̄хъ по подобїю змнїн̄ѡ, ἰ̄кѡ ἄсп̄нда глаухы н̄ затыкаѡщн̄ ѡшн̄ свои, ... [Пс. 57: 5. Библия 1900: 717] *Translatio minus apta*: (С.: Ядъ у нихъ, какъ ядъ змѣи, какъ глухаго аспиды, который затыкаетъ уши свои...); 2. (*др-цсл.* образъ, -а / *ср.* лице, подобьствїе, *рус.* видъ, форма; *чш.* druh, forma; *цгрч.* (др-грч.) εἶδος; *лат.* species, genus: · испытати волю достоитъ въразъ покаянїа · *цгрч.* τὸ εἶδος [Nomocanon s. Methodii 31b 9. XIII в. ССЯ 2006: 2: 485]), здесь так важно было бы в переводе отметить единство, вид и достойный образ духовного и внешнего покаянїа, ведущего к исправлению, ибо дух кающагося творит соответствующую покаянїю форму покаянїа и образ новой праведной, святой жизни; б) (*др-цсл.* образъ, -а / *ср.* подобьствїе, скїма; *рус.* заметим *hic nota*: только внѣшнїй видъ, форма; *чш.* pouhá vnější forma; *цгрч.* (др-грч.) σχῆμα; *лат.* ipsa tantum forma: · неразньствн̄ъ понос̄ (такъ в̄мѣсто: понѣс̄) ѡбразъ · да възлазть въ цр̄квь · *цгрч.* ἀδιαφόρωσ ἦνεγκαν καὶ τὸ σχῆμα τοῦ εἰσιέναι [Nomocanon s. Methodii 31b 22sq. XIII в. ССЯ 2006: 2: 485]); 3. (*др-цсл.* перен. образъ, -а / *ср.* знамениѡ, *рус.* символъ, знакъ; *чш.* symbol, znamení; *цгрч.* (др-грч.) σύμβολον, πρόσχημα, τύπος; *лат.* symbōlum, ī n; symbōlus, ī n; signum: дѣва н̄ др̄тво н̄ сьмръть · быша намъ образн̄ побѣждєнн̄ы · *цгрч.* τὰ σύμβολα; *цлат.* symbola [Codex Suprasliensis 489, 12. XI в. ССЯ 2006: 2: 485]). Таким образом, очевидно, что творению и образу его (творению) придаётся синтетический смысл единства формы и содержания, где форма закономерно отражает или выражает внутреннее, или метафизическое содержание, не только связанное с человеческим пониманием и не только им одним обусловленное.

Об образах букв, то есть о видах, о графике письменных знаков, толкует ещё и автор Букваря 1701 г. Оёдоръ Поликарповъ: «Тѣкоже хрѣннѣ читателю ѡпѣснѡ ко еѣждо літерѣ нѣи писменѣ прѣличное ѡбѡиство нѣ въ грѣчѣскѣхъ речѣнїихъ, ѣкожъ въ послѣдующихъ ѡбразѣхъ зрѣнїи. Имѣетъ дѣ не глаголѣн ф, ниже т, ѣкѡ Феодѡрѣ, а не Феодѡрѣ, ни Теодѡрѣ, ни Хдѣодѡрѣ. Протѣннѡ ко рѣзѣмѣ по пронзвѣдѣнїю речѣнїа, занѣ чрезъ дѣ Феодѡрѣ, бѣодѡрѣ, чрезъ ф: Феодѡрѣ, смѣодѡрѣ» [2. С. 88].

Итак, о в р а з ѣ: 1-е значение: образъ — начертаніе — подобіе (как связанное с человеческими представлениями, так и с инобытийной (Божественной метафизикой); 2-е значение: образъ — видъ — форма — эйдосъ (здѣсь, какъ именно внѣшній видъ *чегѡ-л.*) — внѣшній видъ; 3-е значение: символъ — знакъ — знаменіе (как предвестие грядущего, знак пророчества).

Замечательно, что толкователи Св. Писания указывают на образ, связанный с грамматологической метафизикой стиха, использующего слово «трѡиць», во 2-м его значении *др-цсл. метон. перен.*: трѣсть, -и / *ср.* трѣсть, трѣсть, трѣсть; *рус.* (тростниковое) перо; *чш.* (třtinové) pero; *цгрч.* (*др-грч.*) κάλαμος ὁ; *лат.* calāmus (scribae): · Ο τριῖνη σὴ ἑ ἐ μοῦ ἐ слово блага · Γ λ ἄ ζ ѣ дѣла моѡ црѣвн · І азъкъ моѡ трѣсть кнѣжнѣка скорѡписца · *цгрч.* ἡ γλῶσσα μου κάλαμος γραμματέως ὁ ζυγράφου. [Пс. 44: 2. Psalterium Pogodinianum 218a. XII в. ССЯ 2006: 4: 503] · Ѣрыгнѣ ѣрдце моѡе слово блага, глаголѣн ѣзъ дѣла моѡ црѣвн: ѣзъкъ моѡ трѡиць кнѣжнѣка икорѡписца [Пс. 44: 2. Библия 1900: 710]. (Великие толкователи прошлого так изъясняют сие место: излилось изъ ѣрдца моего слово блага; я говорю: пѣснь мою я посвящаю црѣвн. Ѡзъкъ пророкъ называетъ трѡицью, дабы показать, что не онъ пишетъ, но владѣющая имъ рука кнѣжнѣка — икорѡписца, то есть дѣла црѣвн, Который пишетъ на ѣрдцѣхъ по мѣрѣ чистоты ихъ [Василїй Великій, Иоаннъ Златоустъ, Иеронимъ, Иоаннъ Кронштадтскїй. 1. С. 109; 4]).

В этих примерах чрез вышеприведѣнные выдержки из «Материалов для словаря церковнославянского языка» [4] можно увидеть и понять, что образ письменного знака связан с различными сферами бытия, сознание преобразует эту сложность в символы, знаменія и т. п. Образ творится человеком в духовном сотворчестве, ибо человек, будучи божественным созданием по образу и подобию Всевышнего, двойственно (в силу изначальной духовной поврежденности, *ut post factum*) сотворяет нечто с письмом, прила-

гая интеллектуальные и духовные усилия в своём культурном труде. Его энергии связаны с разными духовными энергиями, где он живѣт, существует и сотворяет образы, формы и сами тексты.

Заключение

Графическая форма письменного знака есть опосредованное проявление или же скрытая тенденция эстетического совершенствования или стремление к идеализации формы, если она (форма) существует в религиозном языке и письме. Формообразность предания консервативно и творчески (то есть диалектически) воздействует на письменное становление, которое в западноевропейских письменностях проявляет большее постоянство и сохранность, нежели в восточноевропейском (русском) письме. Нежелание учитывать смыслы графического аспекта письма злокачественно сказывается на переводе и понимании древнего текста, включающего метафизические смыслы и концепты, не поддающиеся интерпретации формальной логикой. Согласно идеям Ю. В. Рождественского (1926—1999), который определял важность и высокую ценность рукописной традиции, отмечая, что чем древнее и гармоничнее она, тем легче её развитие из этого древнего и глубинного культурного ядра. Более того, понимание (как важнейшая герменевтическая задача) обусловлено древним преданием в самом общем смысле. «Содержание новых сочинений предопределено существованием старых и лишь частично отдаѣт дань развитию принципиально новой по характеру мысли. Воспроизведение сочинений содержит в себе своеобразный, парадоксальный, на первый взгляд, закон: чем энергичнее идѣт репродукция сочинений и чем свободнее рекомбинация переписываемых фрагментов и целых рукописей, чем в более причудливые сочетанія они вступают в комбинаціях, создавая новые смыслы, тем больше необходимость в истолкованїи, комментированїи и приспособленїи новых компилятивно образованных текстов и к старым сочиненїям, и к новой реальности исторической жизни» [14. С. 81—82].

Изучение письма и письменности надлежит быть системным с использованием не только различных методов, но и различных методологических подходов (например, в творческом синтезе номинализма, концептуализма и христианского реализма), глубоко понимая под этим изучение связей и отношенїи не только внутри языковой системы, но и вне её определѣнных наукой границ.

Условные сокращения на русском языке

Аѡн. П. 2001 — Афонская псалтирь, переизданная в 2001 г.	Пс. — книга «Псалтирь»
Деян. / Дѣян. — книга «Дѣянія святыхъ апостоль»	рус. — русский язык
др-грч. — древнегреческий язык	С. — Синодальный перевод Библии на русский язык
др-цсл. — древнецерковнославянский язык	XIX в.
Евр. — книга «Послание к Евреям святаго апостола Павла»	см. — смотрите
Иез. — книга «Пророка Іезекііля»	ср. — сравните
лат. — латинский язык	ССЯ — Словарь старославянского языка
м.р. — мужской род	сущ. — имя существительное
нем. / нѣм. — немецкий язык	цгрч. — церковногреческий язык
НЗ — книга «Новый завѣтъ»	цлат. — церковнолатинский язык
перен. — переносное значение, выраженное словом	цсл. — церковнославянский язык
	чш. — чешский язык

Условные сокращения на иностранных языках

m — мужской род	s — святой
n — средний род	

Список литературы

1. Аѡнская Псалтирь, сирѣчь Давида пророка и царя пѣснь, съ изъясненіемъ святыхъ отцевъ и учителей церкви. Изданіе третіе, испр., доп. Аѡнь: Изд. Русскаго на Аѡнѣ Свято-Пантелеимонова монастыря, 2001. 399 л.
2. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования: монография. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 431 с.
3. Бодуэн-де-Куртенэ И. А. Польскій языкъ сравнительно с русским и древне-церковно-славянским. СПб.: Тип. В. О. Киришбаума, А. Смолинскаго, 1912. 119 с.
4. Будейко В. Э. Материалы для словаря церковнославянского языка: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2018—2020. Т. 1—3.
5. Будейко В. Э. Смысл и значение антистиха как системная идея отечественного правописания // Шестнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-мефодиевская традиция в культуре России: материалы всерос. науч.-практ. конф. 15—17.05.2018 / сост. О. В. Терехова. Челябинск: ЧГИК, 2018. С. 218—222.
6. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / пер. с фр. П. С. Кузнецова под ред. и с предисл. Р. О. Шор. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 410 с.
7. Войно-Ясенецкий, архиепископ Лука. Дух, душа, тело. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. 183 с.
8. Ганшина К. А. Французско-русский словарь: 51000 слов. 10-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 972 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с франц., вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
10. Журавлёв А. П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 159 с.
11. Журавлёв А. П. Компьютерный звукоцвет: альбом. Калининград: Янтар. сказ, 2004. 108 с.
12. Иванова Е. П. В каком смысле лингвистический знак произволен? (К трактовке словоупотребления Ф. де Соссюра 'arbitraire du signe') // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2000. Вып. 2 (9). С. 30—43.
13. Леонтьев К. Н. Храм и Церковь. М.: АСТ, 2003. 636 с.
14. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М.: Высш. шк., 1979. 224 с.
15. Словарь омографов русского языка / сост.: А. В. Венцов, Е. В. Грудева, В. Б. Касевич, Е. И. Корешкова, Е. А. Сведенцова, Е. В. Ягунова; под ред. А. В. Венцова, В. Б. Касевича. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. 160 с.
16. Словарь по правам человека / сост. А. Дж. Джонгман, А. П. Шмид. М., 1997.

17. Словарь старославянского языка. Репринт изд. 1966—1997 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. Т. I—IV.

18. Смирнов С. И. Шрифт и шрифтовой плакат. Изд. 3-е. М.: Плакат, 1980. 144 с.

Сведения об авторе

Будейко Валерий Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Boudeyko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 22—32.*

ON SOME RESEARCH ASPECTS OF THE CHURCH SLAVONIC AND RUSSIAN SCRIPTS

V. E. Boudeyko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. boudeyko@yandex.ru

The subject of the article is related to the topicality of the linguistic-cultural issues within the research of the Church Slavonic and Russian scripts (graphics and graphemics) in ancient and modern texts. These languages and their contexts are historically close, but there are some distinctions in the Church Slavonic and Russian cultural phenomena, caused, among other things, by some aspects of their scripts (graphics). The article includes the new interpretation (reading) of the term “*l'arbitraire du signe*” as the preception of form appearance, the determination (establishment) of the linguistic form (sign) appearance. Another idea of this article is the proposal to consolidate the forces of the traditional analytical linguistic approach (i. e. dialectical materialism or logical positivism/neopositivism in linguistics) with the theory of systematic analysis and synthesis of nominalism, conceptualism and realism.

Keywords: *alphabet, script (graphics), arbitrariness of sign, hand-written tradition, the Russian language, the formal (sign) appearance tradition, the Church Slavonic language.*

References

- (2001) Afonskaiya Psalmyr', siriech Davida proroka i tsar'a piesn, s iziasneniyem sviatyh otsev i ouchitelei tserkvi [Psalter of Aphon. Edition 3rd, corrected and supplemented]. Moscow, Edition of Russian on Afon Svi-yato-Panteleimonov monastery. 399 sheets [in Russ., in Church Slavonic language].
- Birzhakova E. E., Voynova L. A., Koutina L. L. (1972) Ocherki po istoricheskoi lexicologii russkago yazyka XVIII v. Yazykovyie kontakty i zayimstvovaniya [Feature articles on historical lexicology of Russian language XVIII c. The linguistic contacts and adoptions]. Leningrad, Nauka, 431 p. [in Russ.].
- Boduen-de-Kourtene I. A. (1912) Polski yazyk sravnitelno s russkim i drevne-tserkovno-slavyanskym [Pol-ish language compared with the Russian and Old Church Slavonic language]. St. Petersburg. 119 p. [in Russ.].
- Boudeyko V. E. (2018—2020) Materialy dla slovar'a tserkovnoslavianskago yazyka [Materials for dictionary of Church Slavonic language]. Chelyabinsk, Entsiklopedia. Vol. 1—3 [in Russ.].
- Boudeyko V. E. (2018) Smysl i znachenije antistyha kak systemnaya ideya otechestvennago pravopisaniya [Sense and meaning as systematical idea of domestic orthography]. Terehova O. V. (compiler) XVI Slavianskiy nauchnyi sobor “Ural. Pravoslaviye. Kul'tura”. Kirillo-Mefodievskaya traditsiya v kulture Rossii [The Sixteenth Slavic Scientific Council “Ural. Orthodoxy. Culture”. Cyril and Methodius tradition in the culture of Russia]. Chelyabinsk, ChGIK. Pp. 218—222 [in Russ.].
- Vandryes Zh. (1937) Yazyk: Lingvisticheskoye vviedeniye v istoriyu [Language: A Linguistic Introduction to History]. Moscow. 410 p. [in Russ.].
- (1988) Voyno-Yasenetskiy, arhiyepiskop Luka. Duh, dusha, telo [Spirit, soul, body]. Brussel, Zhizn' s Bogom Publ. 183 p. [in Russ.].
- Ganshina K. A. (1987) Frantsuzsko-russkiy slovar': 51000 slov [French-Russian dictionary]. Moscow, Russian language Publ. 972 p. [in Russ.].

9. Derrida Zh. (2000) O grammatologii [About grammar]. Moscow, Ad Marginem. 511 p. [in Russ.].
10. Zhuravlyov A. P. (1991) Zvuk i smysl [Sound and sense]. Moscow, Education Publ. 159 p. [in Russ.].
11. Zhuravlyov A. P. (2004) Kompyuternyi zvukotsvet [Computer's sound-colour]. Kaliningrad, Amber tale Publ. 108 p. [in Russ.].
12. Ivanova E. P. (2000) *Vestnik Sankt-Peterburgskago universiteta. Ser. 2, iss. 2 (9)*, pp. 30—43 [in Russ.].
13. Leont'ev K. N. (2003) Hram i Tserkov' [Temple and Church]. Moscow, AST Publ. 636 p. [in Russ.].
14. Rozhdestvenskiy Yu. V. (1979) Vvedeniye v obshchuyu filologiyu [Introduction in general philology]. Moscow, Higher school Publ. 224 p. [in Russ.].
15. Ventsov A. V., Grudeva E. V., Kasevich V. B., Koreshkova E. I., Svedentsova E. A., Yagunova E. V. (compilers); Ventsova A. V., Kasevicha V. B. (eds.) (2004) Slovar' omografov russkago yazka [Dictionary of homographs in Russian language]. St. Petersburg, Philological faculty of Saint-Petersburg Univ. 160 p. [in Russ.].
16. Johngman A. J., Schmid A. P. (compilers) (1997) Slovar' po pravam cheloveka [Dictionary of the human rights]. Moscow [in Russ.].
17. (2006) Slovar' staroslav'anskago yazyka [Dictionary of Old Slavonic language]. Reprint. izdaniye 1966—1997 gg. St. Petersburg, Publishing house of Saint-Petersburg Univ. Vol. I—IV [in Latin, in Russ.].
18. Smirnov S. I. (1980) Shrift i shriftovoi plakat [Print and poster of print]. Moscow, Plakat Publ. 144 p. [in Russ.].